

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ: Поэту логично жить в России

Сегодня свой 55-летний юбилей отмечает известный поэт Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. Накануне дня рождения он дал интервью обозревателю «Известий» Елене ЯКОВЛЕВОЙ.

Известия - 2002 - 30 апр. - с. 14.

— В «Этюде о Твардовском» вы писали, что во второй половине XX века в российской поэзии образовались две ветви: реалистическая, описательная, пейзажная, мировоззренчески-прямолинейная и метафорическая. Вы себя к какой ветви относите?

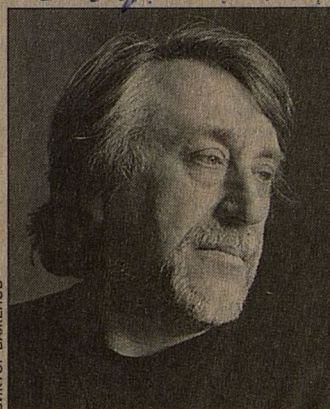
— Я, пожалуй, «двух станов не боец, а только гость случайный». В моих стихах есть и то, и другое, и откровенный лиризм, и метафоричность. Мне кажется, что наиболее плодотворно сочетание этих направлений.

— Вы прожили в эмиграции 8 лет, и как-то обмолвились, что ностальгия — это чувство для бездельников. Но решительно вернулись на родину. Каковы же мотивы вашей решительности?

— Их два. Высокий: я убежден, что поэту логично жить одной жизнью с родным языком и читателем, тем более поэту, укорененному, как я, в родимой почве (я провинциал по рождению). А второй мотив такой: мой отъезд не был добровольным выбором, меня выдавили из страны. Поэтому когда меня стали публиковать в отечестве, исчерпались причины для политической эмиграции.

— Вы много раз признавались, что к тусовкам и лагерям не примкнули, имеете нравственный счет к современности и, кажется, формулируете его так: «Никто не стал лучше при демократии». Вы по-прежнему так думаете?

— Тут вот какая история. Вернувшись, я попал в расщеп между крайними демократами и неосоветскими патриотами. Не мог примкнуть к первым, потому что по опыту жизни на Западе знал, что потребительская цивилизация — тупиковый путь для культуры. Но не мог быть и с «патриотами», поскольку терпеть не мог Ленина, Сталина, коммунизм как феномен. Инакомыслящие в советское время рассчитывали на нравственное возрождение России в

ВИКТОР БАЖЕНОВ

Юрию Кублановскому — 55 лет

посткоммунистическую эпоху. А вместо этого произошла криминальная революция и начался новый виток морального разложения. Но отдельные ростки чистого и светлого все-таки пробиваются. Поэтому я ни разу не пожалел о падении советской власти.

— А что это за ростки?

— Я их связываю с религиозно-культурным возрождением родины. Где религия, там нравственность, здоровая семья, добросовестность, ответственность. Я все это вижу в активной приходской жизни и в Москве, и в провинции. Я знаю духовно процветающие приходы с превосходными воскресными школами, самоотверженными батюшками. В советское время, помните, в церкви стояли одни бабушки, сейчас много молодежи. Это обнадеживает.

— Вы по-прежнему уверены, что поэзия и прочие тонкие материи вымываются из новейшей культуры?

— При хищной и агрессивной массовой культуре, при процветании конъюнктурной литературы во имя коммерческого успеха поэзия увядает. Ведь она по сути своей бескорытна. Но я будущую Россию без поэзии не мыслю.